

—

(Часть 34)

Судья некоторое время в оцепенении разглядывал галстук, после чего заявил, что не может принять решение сам, и проконсультировался с распорядителем арены. После недолгого обсуждения руководство решило позволить Янь Чангэ использовать галстук и любой другой элемент его одежды в качестве оружия. Более того, они добавили, что если одежды окажется недостаточно, арена может одолжить ему свитер.

Стояла осень, в Линьчэне было тепло, и холод не ощущался нигде, кроме как глубокой ночью на улице. Свитер в помещении был совершенно не нужен, тем более Янь Чангэ в своем костюме и так выглядел слишком официально и «жарко» для боя. Слова организаторов были чистым издевательством: они решили, что Янь Чангэ самонадеянно бахвалился своей силой, но, увидев четверых полностью вооруженных противников, струсил и теперь пытается выгадать себе хоть какие-то условия.

Получив подтверждение, Янь Чангэ взял галстук в руки. Судья сказал ему:

«Предыдущий бой был чисто боксерским, травмы там обычно легкие, поэтому мы не требовали подписывать контракт «жизни и смерти». Сейчас же все вооружены, у клинков нет глаз. По правилам нашей арены, вы обязаны его подписать».

«Без проблем», — Янь Чангэ перевел взгляд на четверых противников. — «А их контракты?»

«Раз вы подписали, то и они, конечно, тоже».

«Вот и славно. Значит, мне не нужно сдерживаться», — улыбнулся Янь Чангэ.

Судья: «...»

Он не верил, что кто-то может победить четверых, будучи безоружным. Все считали, что Янь Чангэ просто пускает пыль в глаза. Даже Линь Хэньян успокоился, вернулся в кресло и небрежно притянул к себе одну из молодых звезд. Это была популярная актриса из идол-драм, девушка довольно порядочная, которая не искала покровителей, а пришла сюда лишь ради светских обязанностей. В объятиях Линь Хэньяня она чувствовала себя крайне неуютно, но, боясь мести, терпела, стиснув зубы. Она во все глаза смотрела на арену, в глубине души надеясь на победу Янь Чангэ. Если тот проиграет, Линь Хэньян в порыве радости потащит её праздновать победу, и тогда она...

В VIP-ложе трансляция шла с близкого расстояния, картинка была четче и безопаснее, чем у

зрителей на первом этаже. На экране было видно, как Янь Чангэ слегка взмахнул галстуком. Раздался гонг, и боец, занимавший второе место, мгновенно взмахнул рукой, выпустив в Янь Чангэ целую горсть игл «Драконьи усы»!

Эти иглы тонки, как коровий волос, и почти прозрачны в свете ламп — увернуться от них крайне сложно. Сами по себе они слишком малы, чтобы нанести серьезную рану, но со времен появления клана Тан из провинции Сычуань такие иглы почти всегда смазывали ядом. Яды клана Тан славились испокон веков: даже если на иглу невозможно нанести много отравы, пары попаданий достаточно, чтобы даже мастер с мощной внутренней энергией выбыл из строя.

Второй в рейтинге был мастером метательного оружия и начал сразу с козырей. Остальные трое не двигались, чтобы не попасть под случайный выстрел.

Янь Чангэ приподнял бровь и громко произнес:

«В этот момент вам троим следовало бы напасть, пока я уворачиваюсь от игл. Даже если бы в вас попали, усмирение меня того стоило бы. Но вы боитесь этих игл и не смеете шелохнуться — значит, яд на них смертельный».

Говоря это, он держал галстук за узел и мягко вращал его длинный конец. Галстук описывал в воздухе красивые дуги. Спустя доли секунды ткань в свете ламп заискрилась холодными искрами — Янь Чангэ умудрился поймать галстуком все иглы!

«Хм, теперь это оружие выглядит посимпатичнее, но использовать чужое — не в моем стиле», — сказал Янь Чангэ, глядя на галстук.

С этими словами он резко встряхнул ткань, и бесчисленные иглы вонзились в пол остриями вверх. Если присмотреться, на земле образовалось густое игольчатое поле. Чтобы мастеру было удобнее метать снаряды, свет на арене приглушили, и теперь четверка противников не видела, где лежат иглы, а где — нет. Ради легкости движений подошвы их обуви были тонкими; длинная и острая игла при малейшей неосторожности проткнула бы стопу насквозь.

На мгновение все четверо замерли, не смея приблизиться к Янь Чангэ для ближнего боя из страха наступить на отравленные иглы.

Янь Чангэ опасался, что подлые организаторы засчитают ему нарушение, если он использует оружие врага для атаки. Поэтому он не стал метать иглы в противников, а просто расставил их на полу, связав врагам ноги.

Ближний бой был заблокирован, техника перемещения тоже. Лучший мастер боевых искусств молча стоял, прислонившись к ограждению, номер три и четыре — не сильные в метательном оружии — пребывали в растерянности. Атаковать мог только номер два.

Он опомнился через секунду, выхватил из поясной сумки несколько бумерангов и швырнул их в сторону железной сетки арены. Бумеранги, срикошетив от сетки, должны были ударить Янь Чангэ со спины и с боков, заставляя его прыгнуть прямо на иглы. Одновременно с этим номер два вскинул обе руки, и из наручей в Янь Чангэ полетели непрерывные очереди скрытых стрел.

Сзади и сбоку — бумеранги, спереди — туча стрел. Янь Чангэ казался зажатым в тиски, ситуация выглядела критической. Однако он не стал уворачиваться — он снова пустил в ход галстук. На этот раз движения ткани не были плавными: галстук в его руках вытянулся, словно стальной клинок. Галстук по форме и так напоминал меч, а теперь он действительно стал им. Янь Чангэ легко подпрыгнул, развернулся в воздухе и галстуком сбил все снаряды до единого. Когда металл касался ткани, раздавался отчетливый звон сталкивающейся стали. Зал ахнул.

«Пауза!» — номер два использовал свое единственное право на остановку боя. — «Я требую проверить его галстук! Я подозреваю, что внутри металл, иначе как мог возникнуть такой звук?»

Его подозрение было логичным. Бой остановили, Янь Чангэ через сетку передал галстук экспертам. Вердикт: внутри нет ничего, кроме ткани.

«Тогда почему был такой звук?» — не унимался номер два. — «Я знаю, что при высшем уровне внутренней энергии можно ранить даже лепестком цветка. Но каким бы сильным ни был мастер, галстук остается галстуком, металлического звона быть не может!»

«Ну, это просто», — Янь Чангэ осторожно поднял с пола два бумеранга и слегка ударил их друг о друга. — «Ты ведь этот звук слышал? Я просто зацепил галстуком один из твоих бумерангов, сбил им все остальные снаряды, а потом бросил его на землю. Просто это было слишком быстро для твоих глаз. Если не веришь, посмотри замедленный повтор».

По требованию сторон организаторы прокрутили видео в многократном замедлении. И действительно: первым движением галстук подхватил один бумеранг, а затем Янь Чангэ виртуозно использовал его как щит, подставляя под все летящие в него стрелы.

Зал взорвался криками.

Какая точность и какое хладнокровие нужны, чтобы повернуть такое в смертельной опасности! Теперь, глядя на улыбающегося Янь Чангэ, стоявшего против четверых мастеров, люди видели в его «добродушной» улыбке непоколебимое спокойствие. Казалось, даже если против него выйдет целая армия, он не изменится в лице. Это не был новичок — его прямота была не отсутствием опыта, а возвращением к истинной простоте великого мастера. Перед ними был гений, глубину сил которого невозможно было измерить!

Даже неискушенные зрители чувствовали мощь Янь Чангэ, а уж четверо бойцов ощущали её каждой клеточкой кожи. Они понимали, что перед ними бездонная пропасть, но при этом не могли уловить источник его силы. Чувства говорили им, что перед ними обычный, безобидный человек, но на деле каждый ощущал незримое острие меча у своего горла, не смея сделать ни

шагу.

«Меч...» — лицо бойца номер один стало серьезным. Он оттолкнулся от ограждения и выпрямился, пристально глядя на Янь Чангэ.

«Твой галстук только что... был мечом», — твердо произнес он. — «Нет, у меня такое чувство, что ты сам и есть меч».

Янь Чангэ остался беспристрастным:

«Почему вы так решили?»

«Словно в древних книгах: когда искусство меча достигает апогея, мастер больше не зависит от оружия. Для него любая палка, книга, лист или палец становятся мечом, ибо он един с клинком. Он сам — меч», — номер один медленно пошел вперед и остановился перед полем игл.

В отличие от остальных, он не был обвешан оружием. На нем был простой спортивный костюм, а в руках — обычный меч. Никаких лишних приспособлений.

«Я слабее тебя», — сказал номер один. — «Но я хочу сразиться».

С этими словами он вытащил меч, и с одним движением запястья все иглы с пола взмыли в воздух, пролетели сквозь сетку и ровным кругом легли на землю за пределами арены.

К счастью, после того как Янь Чангэ выкинул пятого бойца в толпу, зрители не решались подходить близко к сетке, так что иглы никого не задели.

Лицо номера два побледнело. Он был мастером метания, но и в ближнем бою был неплох. Обычно враги падали, не успев к нему приблизиться, и только против номера один его снаряды были бесполезны.

Номеру один достаточно было легкого взмаха, чтобы сбить всё, что в него летело. Противостоять его запредельному мастерству было невозможно.

И теперь, когда номер один вступил в дело, остальным — второму, третьему и четвертому — пришлось отступить. Меч первого номера говорил им: его гордость не потерпит вмешательства в этот поединок.

Увидев этот простой и чистый взмах, Янь Чангэ слегка изменился в лице. Он не боялся чужой техники, но эта внутренняя сила...

На вызов первого номера Янь Чангэ не ответил сразу. Он оглянулся на Цюй Ляня. Тот стоял мертвенно-бледный, не сводя глаз с первого бойца!

(Часть 35)

«Я уважаю в тебе истинного мастера меча», — произнес Янь Чангэ. — «Позволь узнать твое имя и название твоего стиля».

«Нин Бучжэ. Названия у стиля нет», — ответил первый в рейтинге.

Янь Чангэ нахмурился. Все эти дни он пытался восстановить технику семьи Цюй, но застрял на последнем, самом важном этапе — ключевом методе развития внутренней силы. Но в этом взмахе Нин Бучжэ он почувствовал ту же энергию, что и в стиле семьи Цюй. Более того, этот удар был выполнен с использованием той самой ключевой техники, которую Янь Чангэ никак не мог нащупать!

Это заметил не только Янь Чангэ — даже Цюй Лянь, никогда не практиковавший боевые искусства семьи Цюй, увидел, что этот удар меча тесно связан с семьей Цюй. Если этот удар связан, то что можно сказать о самом мастере? Почему лучший боец подпольного клуба владеет утраченной техникой семьи Цюй?

Цюй Фэн десять лет безуспешно искал тех, кто убил отца и брата Цюй Ляня. И вот сегодня зацепка сама явилась перед ними!

«Я уважаю в тебе воина», — сказал Янь Чангэ. — «Я сражусь с тобой один на один, но хочу, чтобы у нашего боя была ставка. Если я выиграю, ты будешь принадлежать мне. Можешь ли ты сам распоряжаться своей судьбой?»

Нин Бучжэ на мгновение замер, долго колебался, а затем медленно кивнул: «Если ты сможешь вытащить меня отсюда... Какая разница, на кого работать — на эту арену или на тебя?»

«Хорошо», — ответил Янь Чангэ.

Он взмахнул галстуком, и его аура преобразилась. Хлынула смертоносная энергия, в тысячи раз более страшная, чем та, которую он обычно сдерживал. Это не было его привычным холодком — это было состояние полной боевой готовности, память о древних полях сражений, где он «убивал одного каждые десять шагов, не оставляя следов на тысячи ли». Необузданная смертоносная аура почти материализовалась, превратившись в тысячи летающих мечей, которые атаковали всех на арене.

В этот миг у всех зрителей случилась галлюцинация: им показалось, что с неба упали клинки и пронзили их насквозь. Весь подпольный клуб в их видении залило кровью, в живых не осталось никого. Иллюзия длилась миг, но психическая боль была реальной. Когда люди пришли в себя,

некоторые зарыдали, схватившись за голову, а кого-то стошнило от увиденного ужаса.

Если так было со зрителями, то четверка бойцов перед Янь Чангэ едва не лишилась рассудка. Четвертый номер не выдержал первым — рухнул на колени, ноги его не держали. Второй и третий еще стояли, но они ни за что на свете не смогли бы поднять руку на Янь Чангэ. Только Нин Бучжэ крепко сжимал меч, и его клинок вдруг отозвался радостным гулом. Нин Бучжэ выровнял меч, его рука была неподвижна, и лезвие перестало дрожать.

Нин Бучжэ странно посмотрел на свое оружие и спокойно сказал: «Странно, кажется, меч вот-вот сломается. Может, сменить?»

Янь Чангэ восхитился: «Это прекрасный меч; ты должен беречь его».

У этого меча не было духа, он не мог принять человеческий облик, но у него был стержень, была гордость меча. Оружие чувствовало непобедимую мощь Янь Чангэ, оно понимало, что перед ним — великое божественное оружие, с которым нельзя совладать. Но когда хозяин поднял его против этой силы, меч не струсил. Своей дрожью он говорил мастеру о своей гордости: даже если суждено рассыпаться в прах, он будет сражаться бок о бок с хозяином до последнего вздоха.

«подавлять тебя одной лишь аурой было бы несправедливо», — Янь Чангэ убрал свою смертоносную ауру, оставив лишь обычный пугающий фон. Зрители начали жадно хватать ртом воздух, противники тоже выдохнули. Если бы Янь продолжал в том же духе, боя бы не вышло — можно было сразу сдаваться.

Янь Чангэ наполнил галстук энергией меча, и ткань стала прямой и твердой, как сталь.

«Прошу», — Нин Бучжэ первым поприветствовал противника, оттолкнулся носками и полетел на Янь Чангэ.

Его меч был легким и изящным, но в этих обманчиво невесомых движениях чувствовался несокрушимый характер. Меч был подобен человеку, а человек — мечу. Меч был истинно благородным, а человек — истинным рыцарем. Видя такой стиль и такой решительный взгляд, Янь Чангэ не удержался и применил свой собственный стиль.

Тот самый, что родился вместе с древним мечом в кузнечном горне и был запечатлен в его памяти с момента сотворения. Янь Чангэ тысячи раз разил врагов, используя чужие стили, но никогда прежде не применял свой собственный.

Что это был за стиль? Это была воля великого мастера, пробудившего дух меча своей кровью и рукой. Это был замысел старшего ученика, вложившего жизнь в создание клинка. В этом стиле была надежда, самопожертвование, пожизненная слава и глубокое удовлетворение.

Благодаря этим чувствам меч смог обрести душу и стать человеком. Этот стиль был призван вечно защищать древний клинок, неся в себе молитвы двух великих кузнецов.

Это не был стиль для убийства. Это был стиль бесконечной мощи, наполненный бесконечной добротой. Янь Чангэ за тысячи лет оборвал миллионы жизней, но, став человеком, первым делом выбрал Добро, а не Зло — такова была суть его души.

Используя идеально подходящий ему стиль, Янь Чангэ был непобедим. В его движениях не было изъянов; каждый жест словно блокировал жизненно важные точки врага, лишая возможности пошевелиться, но при этом давая понять: ты в безопасности, этот человек не причинит тебе вреда.

Это было величие моря, простор неба, бесконечность космоса. В таком безбрежном потоке обычный человек не мог сопротивляться. Но меч Нин Бучжэ, словно яростный вихрь, прорезал небо, сумев вырвать брешь в этой идеальной защите. Используя свое тело как щит, он проложил путь своему клинку, заставив Янь Чангэ на миг открыться.

Янь Чангэ не растерялся — напротив, он одобрительно улыбнулся Нин Бучжэ. Кончик галстука развернулся, и суть его движений изменилась: от защиты и надежды он перешел к стремительной атаке. Если жизни мастеров-создателей были защитой, то сам Янь Чангэ был мечом, рожденным из этой воли. Он — сокрушитель преград, идущий напролом. Только что была «защита», теперь пришла «атака».

Защита была волей создателей, а атака — сутью самого Янь Чангэ. Как истинный меч, он отбросил всё лишнее и, используя свою душу как оружие, ударил!

Нин Бучжэ уже исчерпал себя, пробив ту брешь. Против этой яростной волны он был бессилен. Кончик галстука ударил его прямо в сердце. Это была лишь ткань, но Нин Бучжэ почувствовал острую боль, будто его пронзили настоящим холодным клинком.

Уголок рта Нин Бучжэ окрасился кровью, и он, всё еще сжимая меч, медленно осел на пол.

Но Янь Чангэ не остановился. Он снова сменил технику и бросился на номера два, три и четыре. У них не было ни единого шанса даже на попытку уклониться. Галстук поразил каждого в сердце, и все они, подобно Нин Бучжэ, рухнули без сил.

Четыре удара галстуком — четыре поверженных мастера. Предыдущие игры с метательным оружием и иглами были лишь забавой кошки с мышками. Когда он стал серьезен, никто не смог выстоять против него и секунды.

Победив четверых, Янь Чангэ поднял голову и, направив галстук в сторону VIP-ложи на втором этаже, холодно произнес:

«Линь Хэнъянь, спускайся».

С того момента, как Янь Чангэ выпустил свою ауру, богатые бездельники и актрисы в ложе повалились на пол, не в силах подняться. Только Линь Хэнъянь еще как-то держался. Но теперь, когда Янь направил всю свою ярость прямо на ложу, люди снова прильнули к полу. Линь Хэнъянь уперся руками в дверь, его плечи мелко дрожали — он не мог даже толкнуть створку.

Актриса, которую Линь едва не обесчестил, из последних сил смотрела на монитор. На экране Янь Чангэ смотрел прямо в камеру, и казалось, его взгляд пронзает электронику. Она с благодарностью смотрела на своего невольного спасителя.

Линь Хэнъянь долго стоял у двери, не смея выйти. Наконец он услышал голос Янь Чангэ: «Раз гора не идет ко мне, я сам пойду к горе».

С этими словами он легко подпрыгнул, взмахнул галстуком, и в железной сетке потолка арены мгновенно прорезалась огромная дыра. Янь Чангэ, словно взлетев, запрыгнул на второй этаж, просунул руку за дверь, схватил Линь Хэнъяня за воротник и с силой швырнул его вниз.

Линь Хэнъянь, так и не решившийся открыть дверь, вылетел на арену вместе с дверным полотном. Рекордсмен клуба валялся на земле в самом жалком виде, даже не показав лица зрителям.

Это нарушало все правила, но никто не посмел вмешаться. Все лишь молча наблюдали, как Янь Чангэ вытаскивает Линь Хэнъяня, швыряет его оземь, а затем, спрыгнув обратно на первый этаж, силой переворачивает его лицом к залу.

Это было лицо, полное животного ужаса — ничего общего с тем дерзким и жестоким Линь Хэнъянем, которого знали все.

«Вставай», — сказал Янь Чангэ. — «Ты выставил условия, я их выполнил. Настало время сдержать слово и сразиться со мной».

Линь Хэнъянь, прослуживший в наемниках несколько лет, с трудом поднялся:

«Я знаю, что ты силен... но я бесчисленное количество раз смотрел смерти в лицо, я выжил там, где другие гибли! Как я могу проиграть такому... такому, как ты?!»

А какому — «такому»? Янь Чангэ ни капли не походил на изнеженного наследника клана.

Янь Чангэ пнул стойку с оружием в сторону Линь Хэнъяня и властно произнес: «Выбирай. Что бы ты ни взял, у меня будет только этот галстук».

Линь Хэньяннь дрожащими руками выбрал кривой нож, но, замахнувшись им, внезапно выхватил из-за пояса пистолет. Направив его на Янь Чангэ, он закричал: «Будь ты хоть трижды мастером, тебе не понять ужаса перед огнестрельным оружием на поле боя!»

Он снял пистолет с предохранителя и в безумии начал нажимать на спуск, паля в Янь Чангэ.

Но Янь Чангэ просто шел к нему прогулочным шагом. Он так же легко, как и с иглами, вращал галстук. Все пули были подхвачены тканью и бессильно упали на пол.

«А-а-а-а-а!» — видя приближающегося Янь Чангэ, Линь Хэньяннь закричал от ужаса. Он лихорадочно палил, пока патроны не закончились. Когда Янь Чангэ подошел вплотную, магазин был пуст.

«Я... я сдаюсь...» — заикаясь, выдавил Линь Хэньяннь.

«Ха», — холодно произнес Янь Чангэ. — «Ты сказал, что много раз смотрел смерти в лицо? Какая жалость. Смерть всегда идет со мной рука об руку».

Взмах галстука — и Линь Хэньяннь рухнул на пол, лишившись последних сил.

—

Автору есть что сказать:

Янь Чангэ в последнее время снова ударился в воздержание, Цюй Лянь в депрессии.

Цюй Лянь: «Ну и какая у тебя теория на этот раз?»

Янь Чангэ: «В последнее время я постоянно вижу в комментариях, что при достаточном усилии (пожалуйста, подчеркните слово «практика ведет к совершенству») даже железный прут можно заточить в иглу. Я отличаюсь от вас, людей, чья кожа может регенерировать; мой износ — это всего лишь молекулы. Нам следует быть более сдержанными».

Цюй Лянь: «Ах, вот как. Ладно, воздерживайся сколько влезет. А я пойду за галстуком. Галстук сверху — меч и оружие, снизу — отличная игрушка для развлечений. А главное — он дешевый, их полно на улицах. Раз это просто реквизит, я куплю их сотню. Развлекайся своим воздержанием, а я пойду играть с галстуками».

Янь Чангэ: «QAQ»

—

<http://bllate.org/book/14517/1285736>